

**Вас. Гиппиус о книге «Стихотворения и трагедии»
Ин. Анненского под редакцией А. В. Федорова
в Большой серии «Библиотеки поэта»**

*Подготовка текста Е. Куранды (независимый исследователь),
вступительная заметка Г. Петровой (ИРЛИ РАН),
комментарий Е. Куранды (независимый исследователь)
и Г. Петровой (ИРЛИ РАН)*

В судьбе Вас. В. Гиппиуса до сих пор остается еще много белых пятен, однако самым неизученным вопросом оказывается его участие в деятельности Союза писателей СССР, членом которого он был с момента основания этой организации в 1934 году.

В Центральном Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга в личном фонде литературоведа и переводчика А. В. Федорова отложился комплекс документов, связанный с участием Вас. Гиппиуса в рецензировании изданий, выходящих в издательстве «Советский писатель», в частности, в знаменитой серии «Библиотека поэта», признанной ныне «настоящей литературоведческой и текстологической школой».¹ Таким образом, и Вас. Гиппиус, начинавший как поэт и переводчик в 1910-е годы и закончивший свою жизнь в блокадном Ленинграде ученым и педагогом,² предстает перед нами представителем этой уникальной школы.

Известно, что «Библиотека поэта» – *особенная* издательская серия и один из самых масштабных и успешных проектов

¹ *Плотникова А. Г. М. Горький и серия «Библиотека поэта»: трансформация замысла // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 213. См. также: Островский А. У истоков «Библиотеки поэта» // Воспоминания о Ю. Н. Тынянове: портреты и встречи. М., 1983. С. 173–187.*

² Ср.: Г. М. Фридлендер писал: «...доктор филологических наук профессор Ленинградского государственного университета Василий Васильевич Гиппиус широко известен в нашей стране и за ее рубежом как один из видных представителей старшего поколения деятелей советской литературной науки. Вдумчивый тонкий исследователь творчества Пушкина, Гоголя, Тютчева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина В. В. Гиппиус был также блестящим поэтом-переводчиком, которому советский читатель обязан превосходными переводами комедий Мольера, стихотворений Шиллера и Гейне» (*Фридлендер Г. М. От редактора // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М., Л.: Наука, 1966. С. 3.*)

советского литературоведения, основание которого относится к началу 1930-х годов. В свое время А. Немзер писал: «Придуманная Тыняновым и благословленная Горьким, серия была допустимым излишеством идеологической системы. В томах ее первого – довоенного – издания гротескно уживались мощная историко-литературная мысль и обязательный яд советчины».¹ Публикуемый здесь текст рецензии Вас. Гиппиуса 1941 года на подготовленное А. В. Федоровым издание стихотворений и лирических трагедий И. Ф. Анненского для Большой серии «Библиотеки поэта»,² представляет ее автора носителем этой «мощной историко-литературной мысли», традиции которой восходят к творческим практикам русского модернизма и до сих пор определяют лицо отечественного литературоведения.

Отдельно несколько слов следует сказать и о том, что обнаружение Е. Л. Курандой отзыва Вас. Гиппиуса должно способствовать и восстановлению истории изучения и публикации творческого наследия Анненского, одного из «зловредных модернистов»,³ по выражению А. Немзера, которого представила «Библиотека поэта», и, возможно, обновлению эдиционных подходов к публикации его лирики.

Инициатива издать стихотворения, переводы и лирические трагедии Анненского в серии «Библиотека поэта» возникла в самом начале этого издательского проекта. Особую роль в этом процессе, как известно, сыграл почитатель и популяризатор творчества Анненского, поэт и переводчик, в 1920-е годы сотрудник ГАХН (с 1925 – РАХН), преподаватель ряда московских высших учебных заведений Д. С. Усов.

На протяжении 1910–1920-х годов Усов крайне трепетно относился к посмертной судьбе творческого наследия Анненского, о чем свидетельствуют его письма к Арс. Альвингу, Е. Я. Архиппову, Э. Ф. Голлербаху, В. И. Кривичу, опубликованные Т. Ф. Нешумовой,⁴

¹ Немзер А. Долги и авансы. Новые поступления в «Библиотеке поэта» // Время новостей. 2004. № 207. 12 ноября.

² Книга «Анненский / Составитель Федоров» значится в «Резерве (Большая серия)» Проекта тематического плана Ленинградского отделения «Советский писатель» на 1941 г. (ЦГАЛИ СПб, ф. 344, оп. 1, д. 54, л. 5).

³ Немзер А. Указ. соч.

⁴ Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма / Сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011 (по оглавл.).

и вынашивал планы его издания. 11 декабря 1933 года Усов пишет сыну Анненского Валентину Кривичу: «Глубокоуважаемый и дорогой Валентин Иннокентиевич! Как всегда, помню 30-е ноября, и хотел бы получить весть от Вас и о Вас. В 1934 г. исполнится 25 лет со дня смерти Иннокентия Федоровича – а что сможем сделать к этому дню мы, для кого все его творчество живо и неотъемлемо от жизни в науке и в искусстве? Но знаю твердо одно: когда я думаю об этом дне, – мне вовсе не хочется погружаться в поэзию могильных решеток и опадающих листьев – я думаю об Иннокентии Федоровиче как о творческом уме, полном живых, играющих сил, без всякой пресловутой и преодоленной дряхлости, о которой плели небылицы его эпигоны. Работаете ли Вы в области наследия Иннокентия Федоровича и над чем именно? Мне кажется, что при существовании издательства “Academia”, очень крепко помнящего всё многообразие литературных традиций и значение их для современности, возможно было бы отметить близящуюся памятную дату не одним только воспоминанием».¹ На свое предложение подумать о возможном издании наследия Анненского к 25-летию с даты его смерти Усов получил, по утверждению публикаторов его писем, очень уклончивый, не прямой ответ от наследника.² А уже 21 февраля 1934 года Вс. Рождественский сообщал Усову: «Приятная новость. Г. Э. Сорокин (зав. издвом Писателей в Ленинграде) уверяет меня, что он “проведет” через худсовет не только стихи Волошина (по “Библиотеке поэта”), но и новое издание Ин. Анненского» и уточнял в следующем письме, полученном Усовым 18 марта того же года: «Я имел в Изд<ательст>ве Писателей беседу об Ин. Анненском. Оказывается, во время моего отъезда дело переставилось. Сам Валентин, услышав где-то о возможности издания, поспешил сдать свою заявку, которая и была тут же утверждена. Итак, мы с вами оба отпали. Издательство со своей стороны ввело, знаете кого? Андр<ея> Вен<едиктовича> Федорова. Это очень хорошо, т. к. гарантирует от валентинизмов. Сам Вал<енти>н, кажется не очень доволен. Он хотел бы единоначалия. Но приходится мириться».³

¹ Там же. С. 629. Усов, конечно, имеет в виду публикацию воспоминаний В. Кривича «Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам» (Литературная мысль. III. Л., 1925. С. 208–255).

² Усов Д. С. Указ. соч. С. 629.

³ Там же. С. 663–664.

Результатом этой инициативы сначала стало издание стихотворений Анненского в Малой серии «Библиотеки поэта» в 1939 году с предисловием и комментариями А. В. Федорова, а в перспективе и появление уже в 1959-м и 1990-м годах двух изданий «Стихотворений и трагедий» Анненского в Большой серии «Библиотеки поэта».

Здесь стоит сказать, что привлечение к изданию А. В. Федорова в 1934 году было не случайным и этому, думается, не мало способствовал К. Чуковский. К 1934 году А. В. Федоров известен как молодой ученый, переводчик по нескольким опубликованным работам: «Проблема стихотворного перевода» («Временник Отдела словесных искусств ГИИИ. II. Поэтика». Л., «ACADEMIA», 1927. С. 104–118), «Звуковая форма стихотворного перевода. (Вопросы метрики и фонетики)» («Временник Отдела словесных искусств ГИИИ. IV. Поэтика». Л., «ACADEMIA», 1928. С. 45–69), «Русский Гейне. (40-ые–60-ые годы)» в сборнике молодых ученых «Русская поэзия XIX века», вышедшей под редакцией Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова (Л., «ACADEMIA», 1929. С. 248–298. Вопросы поэтики. Вып. XIII) и работы «Приемы и задачи художественного перевода», которая вместе со статьей Чуковского «Принципы художественного перевода» составила книгу «Искусство перевода», увидевшую свет в 1930 году.

Именно Чуковский привлек Федорова и к издательской деятельности. В те же годы (1929–1930) он обращается в «Издательство писателей в Ленинграде» с проектом подготовки и публикации «Литературных воспоминаний» А. А. Фета, в своей заявке особо отметив: «Если составление примечаний к “Воспоминаниям” и вообще редактуру текста поручить А. В. Федорову, молодому историку литературы, обладающему *очень большой эрудицией*, то книга приобретет значительную ценность, т. к. Федоров может дополнить ее целым рядом неизданных документов. Не сомневаюсь, что имя Федорова будет вскоре широко известно...».¹ Проект издания воспоминаний Фета остался несостоявшимся, а «Издательство писателей в Ленинграде», которое собственно первоначально и реализовывала

¹ РНБ, ф. 709, ед. хр. 76, л. 2. Подробнее об этом проекте: *Петрова Г. В.* «Мои воспоминания» Фета в XX веке: о несостоявшемся издательском проекте К. И. Чуковского // Афанасий Фет и русская литература. XXII Фетовские чтения. Курск, 2008. С. 120–135.

серию «Библиотека поэта» и позже в 1934 году вошло в Ленинградское отделение «Советского писателя», привлекло уже известного ему Федорова к изданию творческого наследия Анненского.

Подготовка первого издания в малой серии «Библиотеки поэта» продлилось более 5 лет. Во многом такая задержка, как кажется, была связана с определенной нерадивостью В. Кривича, которая не раз отмечалась современниками. Публикация материалов в Большой серии «Библиотеки поэта» требовала обследования архивных материалов. Что касается архива Анненского, то процесс его передачи в государственные хранилища осуществлялся с большими проволочками. Об этом Усов писал Э. Ф. Голлербаху еще в январе 1932 года: «...вспоминается и другой сын, нам с Вами достаточно хорошо известный, хранящий архив отца, как собака сено! Он оправдывается, что он – не классик и многого просто не знает. Но все же у него больше живой связи со словом, чем у меня с биологией и эмбриологией, и, кроме того, тогда надо отдать для разработки тем, кто знает – что я постепенно и делаю.

А он, за то время, что я жил в Детском, так и не допустил меня к заветному сундуку!»¹

Как известно, архив Анненского Валентин Кривич передавал в Государственный литературный музей с 1933 по 1936 год и этот процесс завершался уже после его смерти вдовой Е. А. Анненской. Таким образом фактически Федоров оказывался в ситуации невозможности полноценно работать с архивными материалами и потому первоначально были подготовлены «Стихотворения» Анненского в малой серии «Библиотеки поэта» по прижизненным изданиям и посмертным публикациям.

У В. Д. Бонч-Бруевича были планы привлечения Усова к работе с архивом Анненского. Об этом мы узнаем из письма В. Кривича В. Д. Бонч-Бруевичу от 31 октября 1934 года: «...Сердечно рад наметившемуся участию в работе с бумагами – Д. С. Усова. Этот тот самый “анне<нс>кианец”, о котором я особо говорил Вам при нашей встрече в Ленинграде, к привлечению которого – если вспомните – Вы отнеслись с большим благожелательством и которому хотели даже послать в свое время извещение от Музея».² Однако в фев-

¹ Усов Д. С. Указ. соч. С. 580.

² Цит по: Там же. С. 692.

рале 1935 года по делу «Немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР» Усов был арестован и к работе с архивными материалами Анненского приступить не успел. При этом сразу по возвращении из Белбалтлага в феврале 1940 года он связывается с Федоровым, интересуется изданием наследия Анненского и дает целый ряд ценных советов, которые частью были учтены составителем и надолго определили формат презентации лирического наследия поэта в «Библиотеке поэта». Так в письме Федорову от 14 марта 1941 года Усов пишет: «Что касается Анненского, то поэма “Магдалина” относится, вероятно, к тому периоду, когда И<ннокентий> Ф<едорович> “пытался оформлять жанр Мурильо словами”, как он сам писал. Вал<ентин> Ин<нокентьевич> читал мне отрывки из этой поэмы <...>. Думаю, что отрывками и следует ограничиться. М<ожет> б<ыть>, есть ранние стихи в том же роде?

Что касается его переводов, то, по-моему, их безусловно следует объединить в общий раздел переводов; принцип группировки в “Тихих песнях” едва уловим и не определим; немецкие поэты, как Вы сами согласитесь, не занимали в переводном творчестве И. Ф. значительного места; самые переводы из них были случайны. Объединяя переводы в общий отдел, я бы лишь привел в комментарии точное указание их порядка в “Тихих песнях” – и этого, по-моему, достаточно».¹

При этом разыскания Е. Л. Куранды и публикуемый здесь отзыв позволяет уточнить комментарий к письмам Усова, данный Т. Ф. Нешумовой. Знакомство с найденными документами убеждает, что речь в письмах Усова 1940–1941 годов к Федорову идет не только об издании стихотворений Анненского 1939 года в Малой серии, но и о подготовке «Стихотворений и трагедий» Анненского в Большой серии «Библиотеки поэта» 1-го издания. До настоящего времени этот проект был неизвестен широкому кругу исследователей, так же, как и участие в нем Вас. Гиппиуса.

Сам Федоров в докладе 1986 года «Об изданиях И. Анненского за полвека (Воспоминания и размышления)», автограф которого также сохранился в его личном фонде о подготовленной в 1941 году книге «Стихотворений и трагедий» Анненского говорил: «Машинопись книги я представил в марте 1941 года. Ее дали на отзыв трем

¹ Там же. С. 690.

рецензентам – Василию Васильевичу Гиппиусу, Оресту Вениаминовичу Цехновицеру и Дмитрию Евгеньевичу Максиму. Отзывы были в целом положительные, самым строгим, но наиболее содержательным для меня явился отзыв Максимова,¹ и особенно много замечаний оказалось у него по вступительной статье. Никаких идеологических опасений – например, насчет декадентства² уже больше не возникло. Я постарался учесть и реализовать из замечаний все то, с чем был согласен, и в доработанном виде представил книгу уже в июне. В типографию она не успела уйти – началась война, и все планы отодвинулись, конечно, на неопределенный срок. Осенью же, в начале октября, на внутренние строения Гостиного двора, где находилось издательство “Советский писатель” и редакция “Библиотеки поэта”, упала вражеская фугасная бомба.³ Погибло и было ранено несколько сотрудников издательства. Сгорели многие

¹ Отзыв Д. Е. Максимова в настоящий момент не обнаружен.

² Уже в рецензиях на издание «Стихотворений» Анненского в Малой серии «Библиотеки поэта» по-разному варьировалась мысль о «декадентской» природе его лирики. Ср.: «Анненский – декадент. Не в том смысле, в котором он сам, как мы увидим дальше, определял это понятие. Декадентством мы называем возникающий на определенном этапе существования буржуазного общества разрыв искусства с жизнью. Не нужно смешивать друг с другом двух совершенно различных явлений в этом процессе. Одни из декадентов нимало не обеспокоены этим разрывом. Не без удобства расположившись в том неприглядном помещении, которое буржуазия отводит искусству, и не подозревая даже, что это тюрьма для искусства, они с удивительным бездушием и самодовольством выводят на стенках этого помещения более или менее замысловатые узоры. <...> Для других декадентов декадентство есть величайшее несчастье. <...> Таков Иннокентий Анненский» (*Александров В.* Иннокентий Анненский // *Литературный критик.* 1939. № 5–6. С. 115–116); «Анненского называют поэтом упадочным. Это определено, конечно, имеет право на существование. Его время проходило под знаком глубокой растерянности, разброда и шатаний значительной части русской интеллигенции. Гнетущая моральная атмосфера, полный разгул реакции сообщали и поэзии того времени черты мистицизма, отчаяния и глубокого разочарования. Поэзия Анненского была характерным порождением своего времени, и Анненский в этом смысле шел общим русле с поэтами русского декаданса. Поэзия безнадежной грусти и мертвящей тоски, воспевание блеклой умирающей природы, солнца, утонувшего в дыму и облаках, – все эти характерные особенности творчества Анненского сообщают его стихам настроения безысходного пессимизма и одиночества» (*Евгеньев А.* Стихотворения Иннокентия Анненского // *Литературное обозрение.* 1939. № 14. 20 июля. С. 33–34).

³ Об этом см. также: *Наумова Е. В.* Ленотделение издательства «Советский писатель» накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны // *Учёные записки ЗабГГПУ.* 2012. № 2 (43). С. 240–242.

рукописи, среди них экземпляры «Стихотворений и трагедий» Анненского. Хотя я служил в самом Ленинграде, в Политуправлении фронта и грохот взрыва слышал вместе с моими сослуживцами в нашей спецредакции, находившейся поблизости набережной, об утрате машинописи я не знал долгое время – до лета 1942 года, когда мне привелось встретиться с Арсением Георгиевичем Островским, редактором-организатором «Библиотеки поэта», единственным из ее сотрудников, оставшихся в Ленинграде».¹

Вновь обнаруженные документы значительно расширяют и наши представления об отношении к Анненскому в довоенный период. Достаточно сказать, что среди «персональных собраний» в 1-м издании «Библиотеки поэта» (1933–1953)² том «Стихотворений и трагедий» Анненского фактически открывал небольшой ряд книг, представляющих русскую поэзию XX века. Кроме «Стихотворений и трагедий» Анненского в 1-м издании серии были подготовлены, а позже и изданы (если не считать «Избранных произведений» Демьяна Бедного, которого следует отнести, по типологии А. Немзера, к книгам «советского генералитета»³) только «Полное собрание стихотворений» в 2-х томах Блока (1946) и «Собрания стихотворений» Маяковского также в 2-х томах (1950). Таким образом, Анненский уже в 1930–1940-е годы оказывается в ряду признанных классиков.

* * *

Текст отзыва Вас. Гиппиуса о книге «Стихотворения Ин. Анненского» под ред. А. В. Федорова с дополнением публикуется по автографу: ЦГАЛИ СПб, ф. 158, Федоров Андрей Венедиктович (р. 1906) – литературовед и переводчик, оп. 1, д. 439. Рецензии. Гиппиус В. В. На рукопись книги «Стихотворения и трагедии» Ин. Анненского. Подготовка текста, вступ. статья и комментарии А. В. Федорова. 14 июня 1941 г.

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 158. Оп. 3. Д. 11. Федоров А. В. Доклад. Автограф. 1986, л. 13. Этот документ, по всей видимости, доработанный вариант выступления А. В. Федорова 1 сентября 1985 в Музее А. А. Блока на заседании в честь 130-летия И. Ф. Анненского.

² См.: Аннотированный библиографический указатель. «Библиотека поэта» / Вступ. ст. Ю. А. Андреева, сост. Т. С. Харькиной. Л., 1987. С. 28–29.

³ Немзер А. Указ. соч.

Отзыв о книге «Стихотворения Ин. Анненского»
под ред. А. В. Федорова (большая серия
«Библиотеки поэта»)

В полученном мною экземпляре книги нет ни предисловия от редакции, ни примечаний. Надо полагать, что то и другое предусмотрено. Однако и при отсутствии предисловия, можно предполагать, что задумано полное собрание стихотворных произведений Анненского, за исключением, конечно, переводов из Еврипида. В таком случае неясно, почему исключены три небольшие надписи на книгах. Уже опубликованные раньше в книге «Посмертные стихи Ин. Анненского».¹ В предисловии редактора должен быть, конечно, и ответ на вопрос, интересующий каждого читателя: обследованы ли архивохранилища, в которых могут быть неизданные стихи Анненского. Желательно, конечно, чтобы это первое собрание стихотворений Анненского было действительно полным.

Статья А. В. Федорова очень содержательна и по существу основных мыслей не вызывает возражений. Ее основной недостаток – в неполноте историко-литературной перспективы, вне которой место Анненского в истории русской поэзии и вообще литературы не может быть уяснено. Прежде всего, сам материал, приведенный и в статье, и в собрании, подсказывает имя Достоевского,² но оно в связи с анализом поэзии Анненского не названо. Указания на связь Анненского с Баратынским и Тютчевым³ беглы и некомпетентны. Вовсе выпадает из перспективы Случевский – очевидно связанный с Анненским генетически ближайшим образом.⁴ Не вполне ясно из статьи и место Анненского, в ряду символистов,⁵ в частности – соотношение его поэзии с поэзией Сологуба.⁶ Трудно согласиться с категорическим утверждением, что акмеисты «на самом деле были далеки от художественных принципов его поэзии» (16)⁷: зависимость Ахматовой от Анненского вряд ли может быть оспорена.⁸ Вряд ли стоило приводить длинные цитаты из критиков, не понимавших Анненского (с<раница> 14–15),⁹ можно сказать об этом коротко.

Неудачным представляется мне попытка комментировать мотивы смерти в поэзии Анненского – материалом его писем, и из того,

что «о ней он пишет мало», делать вывод, что «смерть вовсе не была для него как для человека навязчивой идеей» (с<раница> 34).¹⁰ Возможно, что это само по себе и верно, но умолчание в письмах этой мысли не аргументирует.

На с. 36 автор отвечает своему критику В. Александрову,¹¹ заявляя о несогласии с его возражениями. Но читателю остаются неизвестными ни аргументация Александра, ни контраргументация автора. Очевидно, нужно либо разъяснить, в чем сущность спора, либо устранить вовсе это указание.

Ссылка на критику поэта Виктора Гофмана¹² желательно отредактировать так, чтобы читателю было ясно, что речь идет не о ныне здравствующем Викторе Абр<амовиче> Гофмане,¹³ кстати сказать, писавшем о символистах.¹⁴

Некоторые выражения статьи, которые мне показались неточными, неясными или неудачными стилистически, я позволил себе отметить в рукописи (черным карандашом). Общее же впечатление от всей рукописи вполне благоприятное. Примечания, хотя бы краткие, считаю совершенно необходимыми.

12. 6. 1941 г<од>.

Дополнения к отзыву о книге «Стихотворения Ин. Анненского» (большая серия «Библиотеки П<оэта>»)

Ознакомившись с примечаниями к книге, я нахожу их составленными, в общем, удачно и с достаточной полнотой. Но ответ на вопрос о невключении трех надписей на книгах¹⁵ и вообще на вопрос о полноте данного собрания я в них не нашел.

Считаю, что предисловие Анненского к трагедиям должны быть напечатаны не в примечаниях, а в основном тексте книги.¹⁶

Возражение вызывает и способ подачи вариантов. Хотя этот способ уже не раз применялся в «Библиотеке поэта» – в частности, и в собрании стихотворений Тютчева, вышедшем под моей общ<ей> редакцией,¹⁷ но, может быть, не поздно заменить его другим, более удобным для чтения. Я предложил бы отказаться от систем скобок, и

воспроизводить первоначальные варианты строк без них, в том виде, как они были первоначально напечатаны, напр<имер>:

Что сердцу музыкой казалось (стр<аница> 728)¹⁸

Там же, где зачеркивания отражают несколько слоев вариантов, давать их в последовательности этих слоев, напр<имер>:

а. Но когда в шарманке жернова
Про свою и знали злую участь (и т. д. до конца строфы)

б. Но когда б и знали жернова
Про свою с шарманкой злую участь и т. д.¹⁹

Это способ принят в последних изданиях Пушкина, Лермонтова²⁰ и др<угих>, и он, конечно, целесообразнее, так как дает представление о ходе творческой работы, чего транскрипция внешнего вида рукописи не дает.

Стихотворение «К портрету**» требует либо реального комментария, если он ясен, либо, по крайней мере воспроизведения примечания В. Кривича.²¹

14. VI – 41 <од>.

¹ Речь идет об издании: Посмертные стихи Иннокентия Анненского. С портретом и двумя факсимиле / Под ред. Валентина Кривича. К-во «Картонный домик». СПб., 1923. Вероятно, речь идет о трех инскриптах Анненского: обращенных к Бальмонту («Тому, кто зиждет архитрав...»), Гумилеву («Меж нами сумрак жизни длинной...»), Е. М. Мухиной («И от песни, что сердце лелеет...», опубли. впервые: Там же. С. 143. В издании «Стихотворения и трагедии» Анненского (Л., 1959) Федоров включил все три стихотворные надписи, под общим заглавием «Надписи на книге «Тихие песни»» (С. 221).

² И произведения, и творческая биография Достоевского были предметом постоянной рефлексии Анненского. Достоевскому он посвящает целый ряд специальных критических статей: «Достоевский до катастрофы», «Виньетка на серой бумаге к “Двойнику” Достоевского», «Господин Прохарчин», «Достоевский в художественной идеологии», «Достоевский», «Речь о Достоевском» (см.: *Анненский Иннокентий*. Книги отражений. М., 1979, по оглавлению), а также неоднократно упоминает в работах, посвященных русским и европейским писателям и поэтам и античной трагедии, в первую очередь, трагедиям Еврипида. Об этом подробнее см.: *Ашимбаева Н. Т.* Достоевский в критической прозе И. Анненского // Ашимбаева Н. Т. Достоевский. Контекст творче-

ства и времени. СПб., 2005. С. 213–224. И современники, и в настоящее время исследователи отмечали влияния Достоевского на Анненского-лирика, см.: *Штейн С. В., фон.* Поэзия мучительной совести // Последние известия. Ревель, 1923. 10 мая. № 113; *Аникин А. Е.* Чудо смерти и чудо музыки: (О возможных истоках и параллелях некоторых мотивов поэзии Ахматовой) // *Russian Literature*. 1991. V. XXX. С. 285–290; *Келдыш В. А.* Наследие Достоевского и русская мысль порубежной эпохи // *Связь времен: Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX–начала XX в. М., 1992. С. 106–108; Корецкая И. В.* Впечатления русской литературы в критике и лирике Ин. Ф. Анненского // Там же. С. 312–329; *Налегач Н. В. Ф. М. Достоевский в творческом сознании И. Ф. Анненского: К теме поэта и поэзии // Достоевский и современность: Материалы межрегиональной научной конференции, посвящённой 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. Кемерово, 1996. С. 96–99.*

В статье Федорова «Иннокентий Анненский», открывающей книгу «Стихотворения», изданную в 1939 Достоевский не упоминается, в издании «Стихотворения и трагедии» (Л., 1959), в статье «Поэтическое творчество Иннокентия Анненского» Федоров отмечает только факт глубоко личного отношения поэта и критика к Достоевскому, указывая на отказ участвовать в заседании Литературного общества 4 февраля 1909, где предметом обсуждения должен был стать доклад Б. Г. Столпнера «Достоевский – борец против русской интеллигенции». Только в монографии «Иннокентий Анненский. Личность и творчество» (Л., 1984) Федоров свяжет с Достоевским основной мотив поэзии Анненского – мотив совести (С. 88).

³ Первоначально Федоров отмечал: «У Анненского глубокая, органическая связь с русской философской лирикой и с поэзией природы – с Тютчевым и Баратынским. Эта связь сказывается и в стихотворениях чисто описательных, как “Ноябрь” или “Ветер”, и в стихотворениях, где за описанием следует сентенция, где частное и конкретное (образ из мира природы) становится формой выражения чувства или мысли более общего порядка (как в “Майской грозе”»)» (*Федоров А.* Иннокентий Анненский. С. 16). В статье, опубликованной в издании «Стихотворения и трагедии» Анненского (Л., 1959) он писал уже более определенно и развернуто (см.: *Федоров А.* Поэтическое творчество Иннокентия Анненского. С. 19, 36, 43, 48) и продолжил развивать эту тему в своей монографии, см.: *Федоров А.* Иннокентий Анненский. Личность и творчество. С. 116.

Связи лирики Анненского с традициями Баратынского и Тютчева было посвящено специальное исследование В. Гитина «Innokentij Annenskij and the Russian Poetry of the XIX century: Tjutchev and Baratynskij» (Harvard, 1989). См. также: *Гитин В.* Точка зрения как эстетическая реальность. Лексические отрицания у Анненского // Иннокентий Анненский и русская культура XX века: Сборник науч. трудов. СПб., 1996. С. 3–25. Библиографию вопроса см. также: *Анненский И. Ф.* Учёно-комитетские рецензии 1901–1903 годов / Составл., подгот. текста, предисл., приложение, примеч. и указатель А. И. Червякова. Иваново, 2000. С. 317–318. (Иннокентий Фёдорович Анненский: Материалы и исследования. Выпуск II).

⁴ В статье, открывающем издание «Стихотворения» Анненского (Л., 1939) Федоров писал: «Не случайно у Анненского так много стихотворений о смерти, об умирании, о кладбищах. В этом отношении предшественником Анненского можно признать К. Случевского, в поэзии которого столько смертей, кладбищ, могил, “загробных” мотивов. Но это – не любование “страшной”, к тому же и модной для его времени темой.

Анненский – поэт очень искренний, и эта тема для него – болезненно волнующая» (Федоров А. Иннокентий Анненский. С. 12). К развитию этого сопоставления Федоров больше не возвращался.

Об отношении Анненского к Случевскому см.: *Анненский И. Ф.* Учёно-комитетские рецензии 1901–1903 годов. С. 21–24.

⁵ Поскольку рукопись была утрачена точно указать на рассуждения Федорова, вызвавшие критику Вас. Гиппиуса, невозможно. Однако не исключено, что и в статье 1941, Федоров продолжил свою мысль, высказанную еще в 1939: «Поэту-символисту важно было, чтобы стихотворение заставляло читателя стремиться к его “символическому” осмыслению, но чтобы при этом оно указывало лишь самое общее направление для работы мысли и чувства читателя, давая возможность протянуть разные нити от слов и образов к стоящим за ними более общим и отвлеченным понятиям. С этой точки зрения Анненский, наряду с Ал. Блоком и Фед. Сологубом, является последовательным и характерным представителем символизма» (Федоров А. Иннокентий Анненский. С. 21–22).

⁶ Ср. с утверждением Федорова: «Контрасты между “высокой”, отвлеченной, общей темой, иногда лишь еле намеченной (например, в заглавии), и будничными образами, прозаическими, обиходно-разговорными словами и оборотами, имеющими то шутиливую, то тривиальную окраску, создают противоречивое, а порою ироническое сочетание и вызывают такое впечатление, будто поэт критически относится к высокой теме, к ее традиционной красивости (например, “У св. Стефана”). Контрастом связаны и все три стихотворения, входящие в “Трилистник Балаганный”). В этом – существенное отличие Анненского и от Брюсова, и от Сологуба – поэтов, торжественно и без иронии относившихся к своей теме, не снижавших ее. Анненский, самый мрачный среди поэтов-символистов, вместе с тем, может быть, и самый иронический среди них» (Там же. С. 24–25). В статье, открывающей издание «Стихотворений и трагедий» Анненского в 1959 Федоров значительно расширил сопоставление драматургических опытов Анненского, и в первую очередь его лирической трагедии «Лаодамия», с драмами Сологуба и Брюсова. (См. *Федоров А.* Поэтическое творчество Иннокентия Анненского. С. 40–46).

Исследования по теме «Анненский и Сологуб» см.: *Анненский И. Ф.* Письма. В 2-х т. Т. 2. 1906–1909 / Сост., предисловие, коммент. и указатели А. И. Червякова. СПб., 2009. С. 190–192.

⁷ Эту мысль Федоров высказывал и в издании «Стихотворения» Анненского (Л., 1939), ср. с его замечанием: «На авторитет его неоднократно ссылаются поэты-акмеисты, подчеркивающие свою близость к нему, желающие быть его преемниками, но на самом деле далекие от смысловых принципов его поэзии» (С. 10). В статье, открывающей издание 1959 Федоров изменил свою риторику, ср.: «Итак, даже в 1909–1910 годах, в то время, когда за сравнительно краткий срок появилось более всего произведений Анненского – стихов и статей, – и когда, вскоре после смерти поэта, представлялся случай наиболее полно оценить все его творчество, поэзия его заняла место далеко не бесспорное. <...> На авторитет его неоднократно ссылаются лишь поэты-акмеисты, постоянно подчеркивающие свою близость к нему и желающие быть его преемниками, да в очень узком кругу поэтов и критиков, группирующихся около книгоиздательства “Жатва”, возникает нечто вроде “культы” его имени» (С. 17).

⁸ Ср. с известным признанием Ахматовой: «...дело Анненского ожило со страшной силой в следующем поколении», к которому она относила себя, Пастернака,

Хлебникова, Маяковского, Мандельштама. (*Ахматова А.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М., 1986. С. 202).

⁹ Точно установить, каких критиков цитировал Федоров в 1941 невозможно, но в 1939 он упоминал в своей статье анонимную критическую заметку, в которой говорилось о «тривиальном безвкуси» Анненского и его «прозаичности» из «Биржевых ведомостей» (1910. 11 (24) июля. № 11809. С. 4).

¹⁰ См. примеч. 4.

¹¹ Видимо, Федоров в статье 1941 откликнулся на рецензию: *Александров В.* Иннокентий Анненский // Литературный критик. 1939. № 5–6. С. 115–134.

¹² В статье, открывающем издание Анненского 1939, Федоров цитировал рецензию В. В. Гофмана (1884–1911) на вторую книгу стихов Анненского «Кипарисовый ларец» см.: *Гофман Виктор.* Иннокентий Анненский. Кипарисовый ларец. Вторая книга стихов (посмертная). К-во «Гриф». М., 1910. Ц. 80 коп. // Новый журнал для всех. 1910. № 21. С. 121–122) и отмечал: «Словарное своеобразие языка Анненского один из его критиков, поэт В. Гофман, охарактеризовал так: “...богатый, полный, живой язык, в котором иногда – простонародная меткость и что-то подчеркнуто и традиционно русское. Анненского не назовешь французским декадентом, пишущим по-русски. У него именно живой разговорный язык, а не тот условный, искусственно приготовленный стиль, которым так часто пишут теперь поэты, гордящиеся тем, что их не читают”». Федоров учел замечание Вас. Гиппиуса, ср.: «Словарное своеобразие языка, которым писал Анненский, один из его критиков, *рано умерший поэт В. Гофман*, охарактеризовал так...» <курсив наш. – Г. П.> (*Федоров А.* Поэтическое творчество Иннокентия Анненского. С. 53).

¹³ Речь идет о В. А. Гофмане (1899–1942), литературоведе, с 1940 профессоре кафедры славяно-русской филологии филологического факультета Ленинградского государственного университета. О нем см.: *Побережина П.* Полтавские читатели О. Мандельштама // Мандельштам – читатель / Читатели Мандельштама. Филологический сборник под ред. О. А. Лекманова и А. Б. Устинова. Стэнфорд, 2017. Т. 47. С. 75–87.

¹⁴ Речь идет о статье: *Гофман В.* Язык символистов // Литературное наследство. Т. 27–28. М., 1937. С. 72–73.

¹⁵ См. примеч. 1.

¹⁶ Речь идет о лирических трагедиях Анненского. Федоров учел замечания рецензента. См.: *Анненский И.* Стихотворения и трагедии. С. 307–309, 369–372, 443–446, 511.

¹⁷ Речь идет об издании: *Тютчев Федор.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. и общ. ред. В. Гиппиуса. Ред. текстов и прим. К. Пигарев. Л., 1939.

¹⁸ Речь идет о первоначальном варианте поэтической строки, зафиксированном в автографе (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 19, л. 29 об.) из стихотворения Анненского «Смычок и струны», входящего в состав «Трилистника соблазна» из «Кипарисового ларца». Впервые опубли.: Белый камень. 1908. 1. С. 8 под заглавием «Скрипка».

¹⁹ Речь идет о многослойной правке 6 строфы стихотворения Анненского «Старая шарманка», отразившейся в автографе (см.: РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 17, л. 63 об.). Впервые стихотворение было опубли.: Перевал. 1907. № 11. С. 29, вошло в «Трилистник sentimentalный» из «Кипарисового ларца».

²⁰ Речь идет об изданиях: *Пушкин А. Т. 1.* Стихотворения / Ред. и примеч. Б. Мейлаха, Л., 1940. (Большая серия «Библиотека поэта»); *Лермонтов М. Т. 1.* Стихотворения

/ Вступ. ст., ред. и комментарий Б. М. Эйхенбаума. Л., 1940 (Большая серия «Библиотека поэта»), в которых редакции и варианты были представлены без транскрипции.

²¹ Речь идет о стихотворении «К портрету ***», которое в издании «Посмертные стихи Иннокентия Анненского» Кривич сопроводил следующим комментарием: «К кому именно относится это четверостишие, Анненский от близких не скрывал, — но в рукописях оно не названо. В соответствии с этим, не назову его и я» (С. 164). В издании «Стихотворений и трагедий» Анненского (Л., 1959) Федоров, ссылаясь на архивные материалы, писал: «В оглавлении тетради стихотворение обозначено так: “К портрету (Е. Левицкой)”». Е. Левицкая — по-видимому, одна из царскосельских знакомых семьи Анненского» (С. 609). Более подробно о Е. С. Левицкой см.: Из истории отечественного литературоведения 1970–1980-х годов: архивные разыскания А. В. Орлова / Предисловие и публикация Г. Петровой // Русские поэты XX века: материалы и исследования. Иннокентий Анненский (1855–1909). М., 2022. С. 228–231.